

WE WILL, WE WILL ROCK YOU

Рассказ

Вчера Водоплазову Сане накатило пятьдесят пять. Стояла поздняя осень. Небо за окном затянуло серым с прорехами покрывалом, обещая к вечеру дождь. Саня сидел за дощатым столом, укрытым клеёнчатой скатертью, и вырисовывал меж полосок морду кота. Фредди Меркьюри задорно выкрикивал из новомодной колонки «We will, we will rock you». Саня кивал в такт музыке, набросок ему не нравился, он стирал его полотенцем и рисовал следующую. Мохнатый оригинал на диване демонстративно отвернулся, не желая позировать.

Саня отложил фломастер и, стерев очередные усы, на его взгляд, чрезмерно пышные для кота, плеснул в стакан из большой стеклянной бутылки рябиновой настойки, цвет которой определил для себя как «глубокий пурпурно-красный», и добавил громкости песни.

«The Queen» обожал с юности, а ещё, конечно же, «The Beatles», Боба Дилана и «Nazareth». Рождённый в семидесятые, не мог пройти мимо музыкальных идолов того времени. Любовь сохранил на всю жизнь, хотя и современные группы нравились, но Фредди, как считал Саня, был Абсолютом. Да и настойка, приготовленная из сочных ягод на дешёвой водке, заходила под Фредди подобно нектару. На языке оставался мягкий привкус рябины и обжигающая кислинка водки.

А вот врач Савушкин, вспомнилось Сане, выступал против подобного сочетания: музыки и алкоголя. Приговаривал, что депрессивные расстройства, беспорядочно заливаемые водкой, приводят к...

– Да шёл бы тот Савушкин, – сказал Саня чёрному, с округлым брюшком коту, что приблудился невесть откуда прошлой весной, да так и остался. – Та ещё сволочь была. Ты знаешь, Фред, как он ходил, эта безупречная сволочь, в белоснежном халате, выбритый до зеркального блеска. И пахло от него, – зло крикнул Саня, сделав проигрыш «The Queen» на телефоне чуть тише. – Невероятно свежо.

Вспомнилась койка с пружинистой сеткой, тело, перетянутое простыней, только что Саню опускали в тёплую ванну. Процесс Савушкин называл по-домашнему мягко – укутка. Простыня высыхала, и Саня чувствовал себя куколкой бабочки. Казалось, вот распадётся кокон, и Саня вылетит в узкую щель решётчатого окна, чтобы никогда не вернуться. И он пытался разбить головой подсыхающий кокон. Из углов бывалые куколки вещали ему назидательно.

– Не горячись, парень, запишут в журнале «Возбуждён, болезненно заострён на значимых для него темах». И аминазин тебе обеспечен.

И Саня затихал в своём коконе. Утром приходил Савушкин, разгоняя медикаментозную вонь ароматом сандала с нотами бергамота. И пока он назначал уколы, от которых глохли звуки и наваливалась сонливость, Саня чувствовал волну свежести, знакомую и родную, папа ведь тоже обожал «Шипр».

Андрей Ломовцев родился (1968) и живет в Мытищах (Московская область), писатель и путешественник, учился в мастерской А. Аствацатурова, школе лит. мастерства «CWS», студии «Vapd». Автор публикаций в журналах «Дружба народов», «Урал», «Волга», «Сибирские огни», «Север», «Уральский следопыт» и др.

А Саня подвёл папу. Он всех подвёл. И жену, и сына, и сотрудников в институте. Надо было с крыши, а не таблетки эти.

We will, we will rock you.

Фредди закончил, публика засвистела. Саня затёр недорисованного кота и сполз аккуратно с высокого табурета. Убрал бутылку рябиновой в белую пасть холодильника. Хватит. Достал сыр, два яйца, сваренных вкрутую. Бухнул на плиту пузатый обтёртый чайник.

Хватит. Вчера, тоже вот, благопристойно всё началось. И он решил сходить в баню. А что, юбилей, имел полное право. И даже кота позвал по привычке. Располневшая туша, Саня назвал кота – Фред, уставилась в телевизор. На экране, по широкому мосту ходил человек с микрофоном, справа и слева плескалось море. Саня терпеть не мог море, дважды тонул, и дважды спасал его папа.

Сейчас показалось, что зря.

А вот баню Саня любил. Готовился к процессу загодя, протапливал до восьмидесяти, сбрызгивал настоянной на хвое водицей жаркие доски. Заползал, жмурясь от удовольствия, на верхнюю полку. После трёх заходов словно рождался заново, благостно на душе становилось. Главное с бражкой не переборщить, что булькала в резиновую перчатку, натянутую на пластиковую бутылку.

М-да. Саня отрезал ломоть белого хлеба, накинул сверху тонкий лист сыра. Вчера перебрал чуток. День рождения, праздник, который был востребован в детстве. Папа приносил круглую шоколадную «Прагу», лимонад и коробку, в которой Саня находил краски и очередные карандаши. Мама суетливо украшала свечами торт, бабуля скрипела, что не успевает дорезать салат и запаздывают Беловы. Лишь дед безразлично заполнял комнату запахом беломора. Под два метра ростом, парторг химического завода, относился к нему как к собачке, что лезла радостно под громадную его ладонь, приглашая погладить.

Праздник повторялся из года в год. Саня научился передаривать краски. Беловы развелись и приходили порознь, исправно опаздывая. Будто застыло то время, словно врос в него сам именинник, не собираясь взрослеть и расти. Он просто был счастлив. И «Прага» казался необыкновенно вкусным, не то что сейчас.

По прошествии десятилетий праздновать стало не с кем. Пока гремела перестройка, а Саня перерождался в лечебнице, незаметно ушли родители. Маша, дочь тех самых Беловых, на три головы выше Сани, не боявшаяся пересудов и слухов, на многие годы ставшая верной женой и подругой, элементарно устала. Ждать, бороться и выживать. После развода, продав квартиру, перебралась в Петербург, пристроилась библиотекарем. Сын рассказал. Счастлива, ходит в оперу и пишет стихи.

Сын. Павел. Павлуша. Лучик света, что, отклонившись от горизонта его жизни, уже не вернулся. Но позванивает. А Маша вообще никогда, словно отрезало.

Сколько же он сына не видел, Саня задумался. Чайник вскипел, и он плеснул кипятком в высокую кружку, помотал в воде чёрный пакетик. По всему выходило лет десять. Как укатил Павлик на стажировку в Германию. Хвастал, что получил гражданство, девушка у него, немка из Казахстана. Приедут когда-нибудь, повидаемся.

Вчера Павлуша не позвонил. А может быть, связь плохая. Саня куснул бутерброд, стараясь захватить зубами побольше сыра. На ломтике остались отметины, словно кусал ребёнок. Сыр подсох и казался безвкусным. Саня запил его чаем. Душа плакала и просила плеснуть рябиновой.

Хотя вот чего он раскис? Петька ж, Свиридов звонил. Вместе протирали штаны с первого по десятый. Петя звонил исключительно спяну и в неурочное время. Говорливый, журналистом всю жизнь отпахал. Пётр Владимирович теперь. Саня почитывал его опусы в интернете. Ничего так, забавные.

– Рассказ подумываю о тебе написать, – нетрезвым баритоном вещал в телефонную трубку Свиридов, после короткого и невнятного поздравления. – Нужен мне образ героя, такой, знаешь, ну, чтобы огонь и медные трубы. Ну ты понял. Ты ведь герой у нас, Сань, просто забыл об этом.

Саня подрастерялся, представил себя, нечёсаного, с подвисшими щеками, ростом чуть выше метра, с выпирающим из-под рубахи брюшком и нетрезвого к вечеру. Героя не получалось, хоть застрелись.

– Саня, ты чего загрустил? Ровнее дыши, не волнуйся, – голос Петра Владимировича превратился в насмешливый шепоток Петьки, что, обернувшись вполоборота, списывал контрольную у мелкого Сани. – Помнишь выражение, что вызывало у тебя нервный тик? Ну это, – Пётр попытался изобразить тонкий голосок вчерашнего одноклассника. – Ты что, самый умный?

В тот момент скрипнула дверь, потянуло свежестью из коридора, моргнул на стене светильник. Саня на скамье замер. Посмотрел – никого. Показалось.

– Алё, Саня, ну ты вспомнил то выражение?

Ясен пень, вспомнил. Ему неизменно хотелось крикнуть в ответ:

– Я самый умный, разве не видно.

Но молчал всякий раз, как его рассмотреть, этот ум. А он читать начал в три. Достоевского, чьи страницы дед перед сном мусолил, Саня раскрывал и бубнил под нос. Родня прислушалась, он слова проговаривает. Непредсказуемая реакция случилась у бабки, потащила его к врачу.

– В три года ребёнок не различает понятия – звук, буква, слог, и тем более слово. И не в состоянии осознать прочитанное.

Вердикт вынесла рыжая тётка в очках, докторша. Бабка лыбилась и тюкала Саню по затылку когтистым пальцем. А Саня подхватил со стола сказки и отчеканил с выражением с пятой страницы. А мог не читать, помнил всё наизусть.

Ну а то, что в школе на золото шёл, вообще история скучная, понятно же, шибко умный.

Только маленький. Нарушения гормональной регуляции, свой приговор Саня запомнил.

В классе кличку приклеили – Гном. Одноклассников и всех прочих соседей, что дразнили, Саня, стиснув зубы зарисовывал в толстый альбом, подаренный папой. Одни там болтались на виселице, другие корчились на костре. У кого топор в спине, у кого нож в глазу, в каждом правом углу гильотина с отрубленной головой. Сознание оказалось изобретательным, и детская рука не дрожала.

Чтобы как-то подмаслить реальность, Саня старательно делал домашки для одноклассников. В алгебре ему не было равных, посылали на математические олимпиады. Первые места занимал и по химии, и по физике. Директриса готовилась послать «умного гнома» в Москву, на олимпиаду по биологии. И Саня впервые встал в позу.

We will, we will rock you.

Победы не приносили Сане радости, только боль позора и унижения. Он выходил к награждающему на сцену, и зал взрывался оглушительным хохотом.

Потом бабка случайно нашла школьный альбом. Саня был бит плотным ватманом и отведён к психиатру. Узнав о происшествии, папа взбесился, в семье случился скандал. Авторитетный дед

встал на сторону бабки. Мать подчинилась родне. Папа, забрав школьный альбом, хлопнул дверью на два долгих года. Саня скучал, но, с другой стороны, его не мучили уроками рисования. Потом был выпускной, непонимание отца, сложный разговор с дедом и поступление в институт назло увещеваниям близких.

Саня вздохнул и засопел в телефон:

– Ты к чему клонишь, Петь? Хочешь эксгумировать труп моей прошлой жизни?

Голос в трубке рассыпался смехом, а Сане показалось, будто из парилки потянуло горячим воздухом. Так и есть, дверь приоткрыта. Заглянул на мгновение, лицо обволокло влажным паром. Чёрт. Опять показалось. Он вернулся, налил браги и включил звук в телефоне на громкую связь. Пётр что-то там вспоминал:

– и тогда ты рюкзак её взял, что был с тебя по размеру. До остановки тащил. Ну и чем не герой? Эх, Саня, а помнишь, кандидатскую твою обмывали? Я проездом в Москве, пиво с раками, ну в ресторане, что на Арбате. Не помню название...

– Прага.

– Точно! Ты шутил, что дорос до ста двадцати, и хорошо, что не килограмм. Говорил, что юмор твоё оружие от назойливых взглядов, и мы сцепились на эту тему. А ты помнишь, рассказывал, что все окружающие – папарацци...

– Конечно. – икнул Саня. – А я «гвоздь программы», бежавший из бродячего цирка. Вам ведь жутко прикольно, как я в автобусе на сиденье карабкаюсь. Альпинист типа. Фотографируете украдкой, друзьям показать. Знаешь, Петь, хватит об этом. Давай просто выпьем за нас.

Саня глотал сладкую брагу, пока глаза не упёрлись в стеклянное дно стакана. Выдохнул, закусил сухариком. Телефонная трубка в ответ крикнула, шмыгнула носом и произнесла сильно хмельным баритоном:

– Погоди-ка, Александр Григорьевич, не до..говорил я. Прожить жизнь в стране великанов, ты считаешь не подвиг? Ты, пы..тался бороться.

Трубка икнула, чиркнула спичка, Пётр Владимирович выдохнул сигаретный дым:

– Развал страны пережил, и развод. Это ли не поступок героя? Про то и будет рассказ. Что скажешь, Сань, р..разрешаешь?

– Герой, напрудил в штаны под горой, – Саня долил браги в стакан. – Герои должны умирать. Петь, так Ремарк написал. Если они выживают, то становятся скучнейшими людьми на всём белом свете. Мне кажется, такими я стал после развода с Машей.

– Ну брат, житейское об..стоятельство.

– Да, да. И не забудь в рассказе, упомянуть про ликвидацию института, про запои. Попытка суицида – увлекательная перипетия. И уверяю, читателю понравится переезд несостоявшегося героя из палат лечебницы в Хреново-дальнее, на вечное поселение.

Саня цедил брагу: домик в посёлке остался ему от родителей, и сердце к нему не лежало, слишком многое напоминало о прежней жизни. С годами пообвык, устроился в местный «Водоканал», сверял показания счетчиков, настаивал рябину на водке и вспоминал Машу.

Телефонная трубка молчала, в окно забил крупными каплями дождь, погасла лампочка в коридоре. Закинув голову, Саня смотрел на мокрые пятна на потолке. Крыша течёт, и в доме, и тут, а лезть и ремонтировать страшно, куда ему, со своими куриными лапками, обувь он покупал в «Детском мире». Мысли плавали и тонули в сахарно-дрожжевой мути браги. Разговор хотелось закончить.

– Давай закруглятся, Пётр Владимирович. Поздно уже, спасибо, что позваниваешь иногда.

– Так что, ис..пользую твои жизненные коллизии?

– Петь, пиши чего хочешь, мне до лампочки, чесно слово.

Фред свернулся в чёрный клубок и наблюдал за хозяином. Саня поёжился, в области лопаток словно прижгло крапивой. Почесался худым боком о жёсткую спинку стула. После беседы с Петром, он помнил, полез менять лампочку, да так шарахнуло током, что слетел с табурета. Очнулся в густой темноте, из парной шёл странный звук, похожий на свист.

В прошлой жизни, которую Саня пытался похоронить, а она вылезала воспоминаниями, словно сорняк, он, Александр Григорьевич Водоплясов, имел классическое образование, означенное в дипломе, как – почвовед. И его познания в области биологии, геологии и агрохимии предполагали исключить из реальности всякое мистическое и библейское заодно. Настрой закреплялся опытом проживания в стране безверия и победившего социализма. Потом империя лопнула, но после клиники Саня пристрастился читать Кинга и Симмонса. Может быть, потому испугался посвиста в темноте.

Пальчики его задрожали, губы задёргались. Так нервный тик проявлял себя с детства. Затакала по врачам его бабка. Всё не верила, что в семье с такими корнями и родословной возможен генетический сбой. А потом этот чёртов альбом...

Да, он вчера испугался, как малый ребёнок. Пот пробил от звука в крошечной тьме. Кто это мог быть, не хотелось и думать. В тот момент Саня перекрестился. И вспомнил молитву, неожиданно для себя. Хотя только в книгах читал да слышал в храме. Запомнил всего две строчки.

Отче наш, сущий на небесах! Да святится имя Твоё;
да придёт Царствие Твоё; да будет воля Твоя...

И словно жёсткой щёткой по спине протянуло. Подумал ещё, что умер, черти в преисподнюю тащат. Вот ведь дурак.

Рванул домой, босиком, во влажной от пота рубашке.

Переодеться бы, да крышей заняться, – подумал Саня, рассматривая в кружке разбухший чайный пакетик. Вот уж поистине, будет поступок с моей стороны.

Фред зевнул, словно соглашаясь с мыслью хозяина, и отвернулся. Сане понравился ракурс с хвостом, да фломастер куда-то запропался.

Рубашка натуральным образом не снималась. Словно цеплялась за большое, воздушное за спиной.

– Твою ж мать.

Дальнюю комнату Саня держал под склад ненужных вещей. Тапки в налёте пыли на полу оставляли следы. Нашёл зеркало, оставшееся от бывшего родительского гардероба. Оттёр пыль. За спиной ничего не увидел, но ладонь нащупала нечто мягкое и будто пушистое. Вот ведь чертовщина какая, – ругнулся Саня и дёрнул за мягкое. Болью отозвалось в лопатке. Сознание пробила нелепая мысль – это что, мать твою, крылья?

Предположение показалось невразумительным, и на трезвую голову не пугало. Во что он вляпался вчера в бане?

Саня вернулся в комнату, постоял у стола, прокручивая ещё раз ночную картинку: удар тока, полёт с лестницы и... темнота. Ну да, свист ещё, вроде как мелодичный.

Резонным казалось пойти посмотреть, что там и как, в бане. Но мысль вызвала приступ слабости в коленных суставах. Саня ухватился за стол. Недорисованная рожа кота, казалось, ему подмигнула.

Блин. Как они этими крыльями пользуются, мелькнула шальная мысль. Не хотелось додумывать, кто они, он просто напряг спину. Что-то, невидимое его глазу, опрокинуло табурет. Фред на диване зашипел и дал дёру.

– Фига себе, – философски заметил Саня. – Ты видал, брат, какую штуковину я подцепил? – спросил он, ища глазами кота. – Глупый, – резюмировал Саня и вскинул руки к реечному потолку. Ступни оторвались, оставив на линолеуме мохнатые тапочки.

– Ё-моё...

Тело пробило жгучее возбуждение, восторг, который не испытывал с момента нежного возраста. Приложившись затылком о перекладину, Саня опустил руки и рухнул на пол. Кот тарашился на него из-под тумбы.

– Как же круто, Фред, ты просто не представляешь. С таким подарком мы и крышу в момент починим.

Дождя не было, на улице пахло хвойником и перегноем. Почерневшая крыша из ребристого шифера выглядела неприступной крепостью. Сунув в пакет кусок рубероида и горелку, Саня начал штурм лестницы, что упиралась о водосток. В пылу борьбы позабыл о приобретении за спиной. Уже ступив на край замшелого шифера, услышал ядовито-весёлый голос соседки.

– Ох, Григорьич, осторожнее там, не свались ненароком.

Этот голос словно сдёрнул с последней перекладки ногу.

– Сука.

В полуметре от кома влажной земли Саня напряг спину и выставил перед собой ладони. Завис, растягивая рот в злобещей улыбке:

– И вам, добрый день, Марина Васильевна.

Истеричный визг соседки огласил округу почище пожарной сирены. Саня расслабил спину и аккуратно встал на ноги.

– Не, ну реально ведьма...

Сплюнул и поспешил в дом. Ведь разнесёт по округе бывшая учительница, вроде, истории, вызовет ментов, а ещё хуже скорую. Хотя и сняли с учёта мильон лет назад, да с таким подарком навечно в психушку засунут. А ведь только взлетел, как бабочка.

Саню затрясло, пришлось достать рябиновой настойки. Выпил, закусил шоколадным батончиком. Кот наблюдал из укрытия. Саня пробрался к окну. Большегрудая Марина Васильевна шагала в сторону автобусной остановки, ветер размывал на горизонте пепельные облака.

Да и плевать, подумалось Сане. И он налил ещё на полпальца.

К обеду вышел доделать работу кровельщика. В три приёма залатал дыру на крутом скате, ловко расплавляя рубероид пытящей горелкой, и вернулся на землю, не тронув злополучную лестницу. Из-за покосившегося забора захлопали и заорали знакомые голоса:

– Вау! Круто, мужик. Копперфильд отдыхает! Давай ещё покажи что-нибудь...

Соседские мальчишки снимали происходящее на телефон. И когда успели прознать? Дурная баба уже растрепала, шумело и тревожилось в голове. Вспомнилось про Копперфильда и прочих. Почёт, слава, деньги. Неплохо. Но, главное, его признали, как в далёкие годы юности. Увидели в нём не гнома.

В голове разлилось радостное возбуждение. Саня завис в воздухе и раскланялся. Улыбнуться не получилось, спина жутко чесалась. Плечом дёрнул случайно. Невидимое крыло снесло лестницу, и та влетела в забор. Подростки бросились врассыпную.

– Не получилось великого фокусника, – бормотал Саня, заходя в дом. Новоприобретённое чудо срочно требовало инструкции. В интернете ничего не нашёл. Набрал Свиридова, может, подскажет чего, писатель. Пётр внаглую сбросил вызов. И сколько ни набирал, абонент был временно недоступен. Да и чёрт с тобой, подумал Саня, вот интересно, какие они, эти крылья, белые, чёрные, или розовые, как у фламинго? Папа называл цвет – глубокий розовый. Сане он нравился.

И тут снова вспомнил про баню. У крыльев точно имелся хозяин. Идти было страшновато. Возле постройки крылья затрепетали, Саня почувствовал в спине напряжение. И одновременно слышал стук. Долбили в деревянный переплёт узенького оконца. В стекле висело лицо, черты казались знакомы, но вспомнить не получалось. Бледный скрюченный палец застучал повелительно. Саня едва не сел в грязь, колени совсем не держали.

В предбаннике воняло сгоревшей серой. В дверях фигура, обмотанная полотенцем. По виду, будто подросток. Ангел, прикинул Саня, а может быть – чёрт? Инопланетянин, как вариант. От запаха щипало в глазах.

– Ты кто? – сорвалось с языка.

– Конь в пальто, – выдохнула фигура тонким мальчишечьим голосом. – Смотрю, крылья мои понравились? Звездой решил стать? Подозревал, что ты не от мира сего, мерзкий гном.

Саня растерянно молчал, прикрыв нос ладонью. Ангел показался слишком невоспитанным. А с другой стороны, рассуждал Саня, разозлишься, когда у тебя крылья упёрли.

– Ты ангел или навозный жук, что так воняешь?

– Ангел, епена мать, ты слепой, что ли, – расстроено пожала плечами фигура. – Всегда так пахну. Зубы не заговаривай, крылья верни, тебе они ни к чему.

– Разбежался, – решил не отступать Саня, вспомнив восторг в глазах пацанов на заборе. – Профукал крылышки, так и сиди, не вякай. Я с ними кайф почувствовал, вторым Копперфильдом стану. Деньги, почёт, уважение.

– Ты дурак? По второму кругу пойдёшь? У тебя уже было всё...

Саня запнулся. После почёта и уважения, к кандидату наук заглянул змей зелёный, с которым невозможно бороться, следом белочка и отвращение к миру.

– Себе не обманешь, – кивнула фигура. – Давай так, ты мне крылья, я тебе наводку, в какую сторону двигаться. А то опаздываю на свидание.

– И как я узнаю, что не обманешь?

Фигура присела на табурет.

– Никак. Придётся поверить на слово.

– Ну хорошо, – Саня кивнул, сглатывая слюну, подумалось – крылья лучше отдать, что с ними делать всё одно непонятно, снять самому всё одно не получится.

– Слушай, а я был уверен – ты мой ангел, ну типа хранитель. Разве не так?

– Раскатал губу. За инспектором закреплён. Фатеев из тридцатого дома знаком?

Саня кивнув. Белобрысый, весом за сто килограмм, Володя жил с матерью через дом.

– Ну вот. Это брательник мой.

Тут Саня вспомнил, на кого похожа эта фигура с лицом подростка. Хулиганистый брат соседа. Наглый пацан, что обзывал Саню гномом. Говорили, его зарезали в пьяной драке.

И таких набирают в ангелы, расстроился Саня, что творится в небесной той канцелярии?

– Не любит брательник баню, вот к тебе заглянул. Крылья на минуту оставил, а тут ты.

– И почему же они ко мне прилипли? – спросил Саня.

– Кто их знает, – пожала плечами фигура. – Первый раз с таким феноменом сталкиваюсь.

– А ведь я с детства чувствовал, нет у меня защитника на небесах, – расстроено сказал Саня, – у инспектора есть, я чем хуже?

– Тебе не время ещё.

– Обидно. Чёрт с тобой, забирай свои крылья, – Саня развернулся спиной. – Солью бы надо посыпать, я в интернете прочёл.

– Не надо. Читай меньше ереси, понял?

Фигура, обхватив крылья, рванула их на себя. Потеряв сознание, Саня рухнул на пол, уткнувшись лбом в дубовую дверь.

– Ну прости, – ангел перешагнул через тело и бросил сверху ненужную простыню. – И вот ещё что... Делом займись, к которому тебя с детства вели.

Саня очнулся к вечеру от пронзительного воя полицейский сирен. По спине словно прокатился бульдозер, рубашка разорвана, и крыльев он не нашупал.

Произошедшее казалось дурным сновидением. Он перебрался в дом. Померил температуру. Стандарт, но голова кружилась. Заглянула соседка, голосистая Марина Васильевна. Принесла «божьему» человеку, как шёпотом назвала Саню, бутылку тёплого молока и бидон парниковых огурчиков.

– Слышали, Фатеев-гаишник подростка сбил ночью на переходе. – доверительно сказала соседка, убирая молоко в холодильник. – А утром застрелился из табельного пистолета. Совесть, видать, замучила. Представляете, какие дела.

– Да ладно, – удивлённо протянул Саня. В памяти воссоздалась фигура с бледным лицом вчерашнего хулигана, немой взгляд, чёрные крылья раскинуты за спиной. Тут же пришло на ум фотом дать пегие облака и заходящее солнце в цвете лавандового крайола.

Саню пробил озноб.

Боже, какой же он простофиля. Папа же в детстве всему научил: цветовая шкала, полутень, пропорции, перспектива. Ему на блюдечке подали профессию, он решил доказать, что способен сам выбрать. Какой он... кретин в самом деле.

Название картине дал «Падший ангел». Осталось с утра доскочить до Твери, купить свежих красок и холст.

Он вдруг почувствовал себя нужным, ощутил радость, поднимающуюся изнутри, без рябиновой настойки и браги, обжигающую и волнующую. Видел её в палитре темнеющего неба цвета индиго, услышал в каплях начинающегося дождя, почувствовал в запахе свежего молока и кошачьего корма. Он сможет передавать свою радость через картины. Вот, например, соседке, которая и не сука вовсе, а удивительно милая женщина.

Он сидел и улыбаясь смотрел на суетливую Марину Васильевну, что перекладывала огурчики: в резиновых стоптанных ботах, широкая цветная юбка до пола, седой волос из опущенного платка, нос с горбинкой, округлые красные щёки. Полутёмная комната с паутиной в углу окна, пол шершавый в извилистых трещинах, липкий свет абажура и зелёные огурцы в модном цвете влюблённой жабы.

Выстраивались в голове элементы второй картины.

We will, we will rock you.

– Ну что, Фред, покажем этому миру, на что ещё гномы способны?

Кот залез Сане под руку, потёрся о маленькую ладонь и заурчал.